

М.А. Бирюкова, А.Н. Стрижѳв
ЗОРКОЕ СЕРДЦЕ ОЛЬГИ ХМЕЛЕВОЙ

Аннотация. Статья обращена к жизни и творчеству забытой детской писательницы 2-й половины XIX в. – О.Н. Хмелевой. Публикуются архивные материалы.

Ключевые слова: О.Н. Хмелева; В.Г. Чертков; Л.Н. Толстой.

Biriukova M.A., Strizhov A.N. The watchful heart of Olga Khmeleva

Summary. The article deals with life and creative activity of the Russian forgotten writer of the 2nd half of the XIXth century – O.N. Khmeleva. Archival materials are published.

Keywords: O.N. Khmeleva; V.G. Chertkov; L.N. Tolstoy.

Писательские судьбы, как и пути Господни, неисповедимы. Вот, казалось бы, само по себе возникло яркое литературное имя, и никому не ведомо, откуда что взялось – изящный слог, такт, мастерское владение сюжетом. Разумеется, всё это результат тщательной внутренней работы, глубокого постижения мира, степени личной культуры прозаика и проявления его таланта. Не всегда такой самобытный огонек долго светит и согревает. Бывает, что мелькнет как бы неожиданно и так же неожиданно пропадет. Нечто подобное произошло с писательницей Ольгой Хмелевой. Ее литературный дебют – «Робинзон в русском лесу» – увлекательная книга о приключениях сельских мальчиков, преисполненных надежд на самостоятельную жизнь в уединении, сразу покорила

читателей захватывающим сюжетом и свежестью изложения. Повесть печаталась под псевдонимом «Качулкова» в 1873 г. в журнале «Семья и школа». Потом выходила не раз отдельной книгой. Кто прочел ее в детстве, запомнил на всю жизнь. Так, известный русский писатель Михаил Андреевич Осоргин (1878–1942) в книге «Времена» (Париж, 1955) признавался: «Я научился читать пяти лет и в семь сам прочел изумительную книжку “Робинзон в русском лесу”, автора не помню, но лучшей детской книжки не было никогда написано. Она меня завоевала и заполнила целиком мое детское сознание».

Напомним имя автора этой книжки: звали ее Ольга Неонова Хмелева. О ее происхождении известно немного. Но дворянская фамилия Хмелевых на Псковщине не затерялась. Погост Платично, Торопецкого уезда, отстоит от Пскова в 320 верстах, а в селе том каменная церковь Живоначальной Троицы, ставлена в 20-е годы XIX столетия. Кроме явленной храмовой иконы, украшенной здесь серебряной ризой, там же еще были святые иконы Успения Пресвятой Богородицы и образ почитаемого святого Иоанна Иерусалимского. В этой же церкви и крещена младенец Ольга, предположительно в 1850 г., там же крестили и ее братьев: Леонида (1838), Владимира (1843), Аркадия (1845) и Неона (1851). Родословная Хмелевых известна с XVII в. Весь этот род служил российскому Престолу и за верную службу верстан в дворянство с получением поместных окладов. В семье бережно хранились жалованные грамоты на поместья, выписки с отказных книг и составленная родословная. Герб Хмелевых представлял собою щит, и на красном поле с подложенным золотом сияет золотой крест, а под ним видна серебряная подкова, обращенная шипами вверх. Увенчан щит обыкновенным дворянским шлемом с короною, а над нею изображена взлетающая птица. Род Хмелевых записан в шестой части родословной книги Псковской губернии, а герб внесен в пятую часть Общего гербовника дворянских родов Российской империи.

Отец писательницы, Неон Александрович (1809–1878), и мать Евдокия Поликарповна (тех же лет) погребены на погосте Платично, где упокоились и все Неоновичи, сыновья, скончавшиеся в раннем возрасте, кроме Леонида, дожившего до 1905 г. Конечно, барская жизнь до Положения, до падения крепостного права, была на

селе и привольна и радостна. Семья жила безбедно, дети получали хорошую выучку для культурной жизни. Ольга Неоновна, к примеру, свободно владела главными европейскими языками, была обучена манерам, любила книги. Но настало время разорения усадебного уклада, и нужда погнала всех со двора: кто уехал поближе к Пскову или в сам Псков, как то получилось с Ольгой Неоновной. Устроилась учительницей, затем взялась за литературный труд – он был ближе ее душе, попробовала переводить и кое-что публиковать в журнале «Семья и школа». А в 1883 г. в журнале «Семейные вечера» Софьи Кашпирёвой поместила свой обширный очерк «Прогулка по Крыму», написанный живо и колоритно. Читатели полюбят это имя, повести Хмелевой еще не раз будут появляться на страницах замечательного издания. В 1885 г. писательница создает новую повесть «Безвестная труженица» и предлагает ее вниманию графа Льва Николаевича Толстого. «Повесть Хмелевой очень хороша, очень хороша будет, если выкинуть все рассуждения, описания природы и красоты и, главное, уничтожить форму словесного рассказа и обращения к слушателю. Это может выдти одна из лучших наших книжек», – сказал Лев Николаевич в письме к В.Г. Черткову в декабре 1885 г. после прочтения авторской рукописи, полученной вместе с предложением напечатать книжкой в издательстве «Посредник» (Толстой Л.Н. ПСС. Т. 85. С. 280). Книжка с переделками вышла в свет в 1886 г. под названием «Марья-кружевница». Первоначальный текст повести напечатан в журнале «Родник» тогда же. В письме к В.Г. Черткову от 19 октября 1885 г. заведующий «Посредником» Павел Иванович Бирюков заметил: «Сегодня познакомился с интересной личностью... г-жой Хмелевой. Барыня, похожая на мужчину. Принцип “непротивления злу” она вставила по собственному опыту, говорит, что сама испытала его силу, и когда я обратил внимание на это место, то она думала, что это мне не нравится. Она произвела на меня хорошее впечатление». В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) сохранились письма О.Н. Хмелевой к единомышленнику Л.Н. Толстого В.Г. Черткову, они во многом дополняют скудные сведения об этой уникальной детской писательнице. Вот ее письмо, посланное 30 декабря 1890 г.: даем полностью, с факсимиле страницы автографа – написан черными чернилами.

«(Л. 1) Многоуважаемый Владимир Григорьевич, здравствуйте!.. Сколько лет, сколько зим!.. Сколько воды утекло! И чего она за это время не смыла, чего не принесла! Но, очевидно, и она, как и все в мире, имеет круговое движение и в силу его приносит нам по временам многое старое, давно позабытое. Для Вас таким “старым” буду я с моим письмом, а для меня был приезжавший ко мне вчера Бернард Эрнестович Кетриц и предмет его разговора со мною, которым вызвано и это письмо мое к Вам. – Б. Эрн. К., как Вы знаете, состоит секретарем Комитета (Л. 1 об.) Грамотности и приезжал сообщить, что в Комитете поднят вопрос о том, чтобы дать мне за “Кружевницу” золотую медаль и что, кроме того, Комитет спрашивает моего согласия на ряд изданий этого рассказа с тем, что станет платить мне за каждое из этих изданий по 100 р. – На это мною отвечено было: от медали я отказываюсь, ибо, на мой взгляд, я ее не заслуживаю; а относительно денег положение мое вот какое: с 8 ч. утра до 9 вечера я на службе в обойном магазине, который ничем не отапливается зимой и ничем не освежается летом. Вознаграждения получаю 50 р. в месяц. На добавление этого заработка мне остается (Л. 2) время от 6 до 8 ч. утра и от 9–1 ночи, каковое и употребляю на переводы и т. под. работишки. Очевидно, что при таком образе жизни и при питании из дешевых трактиров, здоровье мое разваливается весьма успешно, что может отчасти доказать и самый почерк этого письма. В результате – я ежечасно опасаясь обратиться в пациента какого-нибудь благотворит. общества, вот почему от денег, предлагаемых Комитетом, не отказываюсь до тех пор, пока не спишусь с Вами, так как я решительно не помню, ни что мною получено от Вас за “Кружевницу”, ни на каких условиях, т.е. выражаясь языком издательским, “навсегда и безраздельно” она была мною (Л. 2 об.) Вам предоставлена или только на определенное количество изданий, а если Вы помните, что “навсегда и безраздельно”, то ответ мой Комитету зависит уж не от меня, а от Вас. – Выслушав это, Б.Э. Кетриц поручил мне передать Вам, что издание Комитета отнюдь не может составить конкуренции Вашему, так как Комитет издаст вещь коп. на 10 на 15, а следовательно, она и расходиться будет несколько в ином слое читателей. – Сообщив Вам все это, убедительнейше прошу Вас, добрейший Владимир Григорьевич, ответить мне немедленно, так как промедление Б. Эр. мог бы принять за небрежность мою

к его добрым заботам обо мне, и на меня обидеться, да и мне лично интересно знать, что из всего этого выйдет. Раз уж представилась необходимость напомнить Вам о себе, не могу не воспользоваться случаем, чтобы не спросить (Л. 3) Вас еще о двух вещах: сообщите, пожалуйста, Ваши намерения относительно еще двух моих рассказов, о которых Вы за давностию лет, вероятно, забыли, – один “Маляр”, а другой “Золотой баран” и пишете совсем откровенно: может быть, это такая дрянь, что Вы купили их у меня для того, чтобы спасти от них наивного русского читателя? Так сообщите и это, – мне оно в смысле назидательном полезно. А еще: когда вчера мне пришлось съездить к “Посреднику” за Вашим адресом, тамошний управляющий подарил мне 1 экз. “Кружевницы” и в нем меня удивили две вещи:

1) одобрение военн. ведомства. Благодарю Вас за хлопоты, связанные с таким одобрением,

2) фамилия моя (Л. 3 об.) напечатана уж больно грамматично: “Хмел...” – Что хмель пишется через е – это мне известно; в герольдии под гербом нашим стоит то же е, в стариннейших жалованных грамотах – оно же. Но лет полтора назад какой-то грамотей стал писать нас через ь и все почему-то приняли это правописание да так его и держатся по днесь. Не хотелось бы и мне от него отступаться, – так, видно, и помру с безграмотной кличкой. В следующих изданиях прикажите пожалуйста сохранить эту (Л. 4) прирожденную мою безграмотность, буде такие издания предстоят. Писать мне лучше всего на магазин, потому что дома я только ночую.

Адрес: Ольге Неоновне Хмелевой. – Угол Невского и Садовой против Гостинного Двора, д. № 18. Магазин обоев Царско-сельской обойной фабрики.

Супруге Вашей мой душевный привет.

А затем, примите уверение в искреннейших моих (Л. 4 об.) симпатиях и полнейшем почтении.

Хмѣлева

Петербург

30 Декабря 1890 г.».

(РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2745. Л. 1–4 об.)

Супругой В.Г. Черткова с 1886 г. была Анна Константиновна Дитерихс (1859–1927), выпускница Бестужевских женских курсов, детская писательница и мемуаристка. Ее волевой образ и устремленность мысли хорошо переданы на картине художника Н.А. Ярошенко «Курсистка». Работа Ольги Неоновны Хмелевой в магазине обоев Царскосельской фабрики поглощала у нее все самые благоприятные для творчества часы суток, и писать приходилось урывками по ночам, что подсекало и без того расшатанное незавидное здоровье. Хроническое безденежье, неуверенность в литературных заработках, порывистость в отношениях с людьми и чуткость к скорбям других обостряли личные эмоции, не снижая, впрочем, требовательности к себе в отстаивании принципиальных позиций в вопросах веры и школьного воспитания детей.

По-другому складывалась жизнь аристократа, богача В.Г. Черткова. Отслужив восемь лет в конногвардейском полку, он под влиянием толстовского учения пережил духовный переворот и переселился из родовой усадьбы на хутор, в гущу крестьянской жизни. Теперь он обитает в тесной комнате, опростел, ездит только в вагонах третьего класса, в разговорах с простонародьем осуждает барскую жизнь. Естественно, всё это стало известно властям, насторожило и придворных, ведь мать Черткова, Елизавета Ивановна, была вхожа в круг царствующих, и поначалу она пыталась смягчить резко отрицательное отношение к поведению сына и даже пробовала унять в нем его враждебность. Утешало ее разве что увлечение Владимира Григорьевича евангельскими истинами, пусть даже истолкованными в духе толстовства.

Неприятности семьи начались с обысками в столичном доме Чертковых на Галерной Гавани. Искали улики вмешательства друга Толстого в дела преследуемых духовоборов, молокан и штундистов. Доказательств оказалось предостаточно, в результате в 1897 г. было решено сослать В.Г. Черткова в Сибирь. Но благодаря хлопотам матери перед государем Сибирь заменили высылкой в Англию. Именными остался управлять усердный писатель Александр Эртель, и потекли в Лондон доходы с земель, и Чертков смог обзавестись вольной типографией, чтобы печатать за границей книжки в защиту сектантов и, разумеется, те писания Толстого, что цензура запрещала публиковать в России. Вскоре мать примирится с сыном, Елизавета Ивановна тоже окажется в Лондоне, где они

проживут целых 11 лет. До ссылки В.Г. Черткова Ольга Неоновна регулярно посылала ему письма: лишь в архиве РГАЛИ их сохранилось десять. О чем же они? Главный мотив писем – устройство изданий и деньги, в которых талантливая псковитянка постоянно нуждалась. Вот ее просьба, присланная из Петербурга 19 июля 1887 г.:

«Будьте так добры, Владимир Григорьевич, прочтите прилагаемую рукопись “Золотой Баран” возможно скорее и сообщите мне тотчас же, признаете ли Вы ее пригодной для Вашего издания. Не обессудьте за стремительность и назойливость такой просьбы. Дело в том, что у меня стряслось какое-то безобразие в сердце, выражающееся в невыносимых болях во всем левом боку, в головокружениях и в целом ряде всяких таких изводящих явлений. Был у меня доктор. Говорит, что необходимо лечиться и притом тотчас же, а обстоятельства мои летом (Л. 13 об.) и вообще бывают крайне неважные, а нынче сложилось так, что я уж давно подумываю, не начать ли мне красть кур у моего старшего дворника и есть их, вероятно, сырьем, потому что готовить я не умею. В виду этого я и хочу просить Вас: если найдете “Барана” для “Посредника” пригодным, дайте распоряжение, чтобы мне выдали из конторы хоть сколько-нибудь денег тотчас же. А если штука окажется для Вас неподходящей, то не будете ли Вы так добры снести об ней прямо из Россоси с Сытиным; может быть, он ее напечатает, и, если даст мне сейчас за эти 64.000 знаков (приблизительно) хоть 20–25 рублей, то для меня (Л. 14) и то будет хлеб: куплю вод [минеральных], а при них диета все равно обязательна. Если возможно, устройте это, Владимир Григорьевич, благодетель будете. – “Богачиху”, начало которой у Вас, пишу очень помаленьку; – с болью в боку и с адским вальсом в голове скверно работается! Во всяком случае, если не умру, то к половине Августа кончу и “Богачиху” и “Терпение и труд все перетрут” и “Глину”, о которой мне даже вспоминать совестно. А пока в виде моциона неистово мечусь по двору и завидую даже лягушкам в болоте.

Так сделайте милость, Владимир Григорьевич, не оставьте меня скорым ответом.

Вашей супруге, коли она меня помнит, мой привет. Починила ли она свое здоровье?
Искренне Вам преданная
Хмеле... (росчерк)».
(РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2744. Л. 13–14 об.)

В следующем, предпоследнем, письме к В.Г. Черткову Ольга Неоновна просит похлопотать у знаменитого издателя И.Д. Сытина, нет у него какой-либо для нее работы: согласна на самую рядовую – переводить книжки с другого языка, либо составлять в новом изложении. Надо было прекратить «беспрерывное бессмысленное и мучительное метание» в поисках заработка. «Достаньте мне работу!» – это ль не вопль отчаяния? Приводим горестное письмо Ольги Неоновны от 9 октября 1887 г. целиком, как сложилось в пору отчаяния.

«Петербург 9-е Октября 1887 г.

Ради самого Христа, Господа, проездом через Москву повидайтесь с Сытиным и устройте меня у него компилятором, переводчиком, хоть поденщиком, наконец, думаю даже, что я в состоянии писать рассказы на заданные темы, не очень хуже тех, котор. Сытин издает десятками, – художественного творчества там не требуется. – Заработки в Питере становятся (Л. 15 об.) почти невозможны да и вообще я не умею организовать своих сношений, а потому и обращаюсь к Вам: помогите. Писать постоянно вещи оригинальные и удачные при растерзанности нервной системы, я не в состоянии, управление мое гарантирует мне нынче только крышу, – лезу в долги, не лечусь, волнуясь, путаюсь, мучаюсь и тем еще больше утрачиваю способность надумать что-нибудь путное. Жизнь обращается в беспрерывное (Л. 16) бессмысленное и мучительное метание, – “великие помыслы и барахтанье в грязи”. – Доставьте мне работу и вызвольте меня из этого омота. Я не прочь заняться бы ремеслом и даются мне эти вещи легко, да “штрументу не ма”, – не прочь заняться хоть писарством при каком-нибудь департаменте, да чиновников знакомых нет. Одним словом, я знаю, что дана мне способность делать многое, да приняться, пристроиться я не умею. Помогите мне в этом деле. –

Кстати, справьтесь, (Л. 16 об.) пожалуйста, у Сытина, напечатает ли он моего “Барана”. Обещала мне Анна Константиновна подчинить в нем кое-что, – сделала она это? Когда кто-нибудь из Вас придет в Петерб., сделайте милость, побывайте у меня. Очень побеседовать хочется, а я лично, по обстоятельствам, от меня не зависящим, из дома выходить не могу. Если есть время, ответьте мне, что может из этого письма моего воспоследовать, если бы даже то был и отказ. От души приветствую Вас всех и желаю вам всех и всяческих благ.

Хмелева (росчерк)

Измайл. Полк, 2-я рота, д. № 14 кв. 14.

(*Приписка сверху*): Застать меня удобнее всего вечером, после 7. Я даю в нашем доме уроки за одну учительницу, у которой затевается горловая чахотка. Чтобы спастись, она должна молчать месяц».

(РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2744. Л. 15–16 об.)

Другой сподвижник Л.Н. Толстого, последователь его религиозного учения, Иван Иванович Горбунов-Посадов (1864–1940), сторонник «свободного воспитания», инициативный деятель издательства «Посредник», а с 1897 г. его руководитель. При нем основное внимание в выпуске книжек обращалось на соответствие их воззрениям толстовцев на народ, в первую очередь сельский, на внутренний мир детей и юношества, которым предназначалась особая серия изданий. Выпускалась также «Библиотека свободного воспитания», украшенная трогательными картинками художницы Елизаветы Меркурьевны Бём.

Письма Ольги Неоновны Хмелевой в основном касаются состояния по изданию ее книг, материального вознаграждения и сопутствующих вопросов, волнующих корреспондентку. Вот одно из них, первое, связано с авторскими правами писательницы:

«(Л. 1) Балт. Ж.Д. полуст[анок] Пудость. Ивановка
21-е Апреля 1903 г.

Милостивый государь,

Несколько лет тому назад мною было передано право издания написанного мною рассказа “Марья Кружевница” книгоизда-

тельству “Посредник”. Не помню, был ли нами тогда составлен по этому делу какой-либо письменный договор. Впоследствии В.Г. Чертков письмом из деревни, где он тогда проживал, возвратил мне это право полностью. Но письмо это, к сожалению, мною или затеряно (Л. 1 об.), или хранится в грудах моих бумаг, извлечь его из которых было бы трудом весьма кропотливым. Между тем москов. Фирма Панафидина задалась фантазией издать весь не-длинный ряд моих рассказов. Остальные мои издатели выразили на это свое согласие, и только письменного доказательства разрешения В.Г. Черткова у меня нет. Это обстоятельство и вынуждает меня беспокоить Вас убедительнейшей просьбой, если это входит в сферу прав Ваших, повторить разрешение В.Г. от имени книго-издательства, а если нет, то списаться с ним (к сожалению, адреса его не знаю), передав ему мою просьбу.

Извещение Ваше или В.Г. Черткова благоволите адресовать:

(Л. 2) СПБ. Зимин переул. 4

Вере Ивановне Гунст

для передачи Ольге Неоновне Хмелевой.

Позволяю себе присовокупить еще и просьбу о возможно скорейшем ответе, т. к. замедление задержит дела не только мои и издания, но еще и оборудование женск. шк. сельск. хоз., которым я теперь занимаюсь со всеми муками труда Данаид и котор. сажу и “мозг костей своих” и свой последний грош. – Уже два года бьюсь с этим делом, как рыба об лед, выплясывая с двумя министерствами какой-то бессмысленный хоровод под музыку справок, отношений, замедлений, недоразумений, ловления мороза в шапку и всяких иных столь же остроумных и полезных произведений ржавчины, официально нарекаемой “просвещенным русским чиновничеством”. Право, часто опускаются руки и хочется бежать (Л. 2 об.) в могилу, чтобы не видеть настоящего и не думать о грядущем!

С совершеннейшим почтением

Хмелева».

(РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 1439. Л. 1–2 об.)

Из той же Ивановки, что у полустанка Пудость, 23 июля 1903 г. О.Н. Хмелева пишет опять Ивану Ивановичу Горбунову-Посадову о своем тяжелом положении – украдена лошадь, так

необходимая при школе сельского хозяйства и домоводства, организованной Ольгой Неоновной вместе с Верой Ивановной Гунст (ск. 1928):

«Дорогой Иван Иванович,

У меня стряслась великая [по нищете моей] беда! Благодаря безумному пьянству одного из моих рабочих, в Гатчине у него угнали лошадь с упряжью, с телегой, со всею кладью! Отрадный сюрприз стоимостью рублей в 250! Но и это осложняется еще тем, что без лошади стали все мои работы! Наём же у крестьян-соседей обходится 3 р. в день, да и за такие безумные деньги не достанешь, т. к. из нашей местности угоняют 700 подвод в Псковск. губернию под маневры до 20 Августа. Положение адское! Теперь все пропадает, а зимою придется за это отдуваться целым океаном скорбей, тревог, труда и убытков! Да еще и при этом спасешься ли от окончательного разорения?? – Сжальтесь, вышлите деньги мгновенно! Ведь отдать мою “Марью” в вековечную кабалу Панафидиной заставляла меня нужда, а теперь грозит, пожалуй, и нищета с цепями неоплатных долгов на шее. Ради Господа, поспешите

Ваша

Хмелева».

(РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 1439. Л. 3–4 об.)

Упомянутая издательская фирма А.Я. Панафидина известна писательнице О.Н. Хмелевой с 1890-х годов. В 1898 г. фирма выпустила в свет ее книжку «Каменные пасынки каменной мачехи» о самоотверженных финляндских крестьянах, сумевших среди камней обзавестись клочками земли и своим трудом заставить их плодоносить и давать добрые урожаи. Очерк этот так тепло и с любовью написан, что кажется – и сама сочинительница там не раз побывала и обследовала места. Фирма Панафидина переиздает повесть Хмелевой «Катькина дача, или Есть ли на свете лишний человек», выпущенную сначала в Петербурге в 1892 г. Так что с этой издательской фирмой существовали давние связи, и к предложению переиздать ее крепкую повесть «Марья-кружевница», а с нею и другие произведения Ольги Неоновны, она отнеслась серьезно, но надо было узнать мнение на этот счет «Посредника»,

куда Хмелева отдавала в собственность (во временную или вечную – рассказчица уже и не помнит, все договоры велись устно).

Надо сказать, жизнь людей на окраинах Российской империи привлекала давно такого человека «зоркого сердца», каким была Ольга Хмелева. Ею составлены превосходные страницы, посвященные не только Финляндии, но и Крыму, и Уссурийскому краю (очерки «Правда об Уссурийском Крае и его обитателях», 1899). Но «Марья-кружевница» так и осталась в собственности издательства «Посредник».

Тревожным было письмо О.Н. Хмелевой Ивану Ивановичу Горбунову-Посадову, посланное из Ивановки 23 июля 1903 г. В это время писательница была поглощена заботами по устройству дела, способствующего разумному укладу домашней жизни вопреки невежеству и расточительности, царящим во всех слоях общества. В развернутом письме к И.И. Горбунову-Посадову от 14 мая 1903 г. Хмелева подробно останавливается на трудностях обзаведения школой домоводства, налаживания ее нормальной работы, как то задумывалось В.И. Гунст и О.Н. Хмелевой десять лет назад.

«(Л. 7) Ивановка 14 Мая 1903 г.

Первым впечатлением, произведенным на меня Вашим письмом, исполненным такой доброты и такого благородства, было разумеется, чувство живой благодарности за Ваши ободряющие слова, и намерение отказаться от предлагаемых Вами денежных условий ради Вашего дела, цену которого я понимаю теперь, может быть, лучше, чем даже Вы сами, многотимый Иван Иванович. Дело в том, что уже лет 20–15 тому назад меня стала поражать та бессмысленность, безалаберщина и дикарская расточительность, неразрывно связанная с невежеством, котор. царит в домашней жизни всех слоев нашего общества. Постепенно мне стало все яснее, что при таких условиях, невозможны ни имущественное (Л. 7 об.) благосостояние, ни телесное здоровье, ни духовная свобода, ни правильное воспитание подрастающих поколений. А для упорядочения хаоса нужно начинать с оздоровления того места, в котором начинается зловердное брожение, его порождающее, т.е. с семьи. И вот, не имея ни гроша денег, кроме убогих

заработков, мы с сотрудницей моей, Вер. Иван. Гунст, открыли 10 лет тому назад первую в России школу домоводства, в котор. силились доказать, насколько серьезно дело разумного уклада домашней жизни, насколько оно составляет ценное служение обществу и насколько в то же время, при систематической его постановке, оно сберегает и средства, и время, давая возможность и мужу, и жене посвящать их высшим интересам человечества. Вероятно, в обществе уже бродила еще несознанная потребность в чем-либо подобном, т. к. дело наше пошло и стало развиваться. Разумеется, не обошлось оно и без (Л. 8) тяжелого труда и скорбных разочарований, котор. и теперь глубоко огорчают нас, не достигая того идеала, котор. мы себе предпоставили, но тем не менее, за эти 10 лет школу нашу прошли свыше 3½ тысяч женщин и девушек [выпуски ежемесячные] и из них свыше 60 челов. разосланы нами учительницами домоводства, припасоведения и подаяния перв. помощи в несчастных случаях, в различные города провинции. Сверх того, по воскресным дням в шк. обучается [и с великой охотой!] от 40–80 челов. девушек и женщ. из населения фабричного. Эта мера имела в Англии [по отчету француза] блестящее влияние на отрезвление и оздоровление этого населения. – Но чем ближе мы знакомились с делом, чем глубже в него всматривались, тем яснее становилось для нас, что корень зла в семье не городской, а деревенской, а между тем, существующие школы сел. хозяйства “ничуть не отвечают своему назначению”, чтобы не сказать чего-нибудь более сильного. И вот, обманувшись успехом своего первого (Л. 8 об.) начинания, мы задумали пойдти глубже – именно к самому корню – открыть школу сельск. хоз. и домоводства. Для этого заняли мы денег, купили имение и стали с одной стороны хлопотать в министерствах, а с другой готовить практические условия для осуществления школы. Вот тут-то и начался тот скорбный путь, “движение”, по которому дает мне право сказать Вам, что я, может быть, лучше Вас самих понимаю всю ценность, всю необходимость Вашего дела. Я мечусь как раз в середине между слоями правящих и управляемых и, несмотря на всю мою волю выносливость и выдрессированное хладнокровие, часто рискую помешаться от отчаяния. Что за общество! Что за народ! Что за взаимное непонимание, недоверие, даже озлобление и, в лучших случаях – что за непробудное равнодушие ко всему,

что не “Я” и не “моя шкура”. Это положительно стадо [а не общество] людей психически больных, утративших не только разум, но и всякое (Л. 9) 2. (Извините! Это со слепья!) (*перепутаны стороны листа.* – М. Б.) чувство, кроме способности ощущать боль, голод, зависть и жадность изголодавшегося животного! Их нужно именно лечить, всеми средствами будить в них “человека, носителя искры Божией”! И это как в правящих, так и в управляемых! Даже трудно сказать, в ком это необходимее! Тем так и ценны труды таких работников, как Меншиков и Вы и Вам подобные.

Избавлю Вас и себя от перечня и описания всех случаев и подробностей, вымучивших у меня все эти вопли и вздыхания. Да и нельзя рассказать их уже потому, что тянутся они денно и нощно, ежесекундно, без перерыва и без роздыха, следовательно: за ними не поспело бы никакое перо. А главное – сами, Вы, зная все, что знает теперь каждый мыслящий русский человек, сами же можете составить себе представление и об этих подробностях. Тяжело! Тяжело безысходно, особенно для человека, который близок к смерти и не может питать даже надежды на то, что ему доведется воочию увидеть хоть (Л. 10) 3. слабую зарю рассвета. – С фактической же стороны скажу Вам, что домучились мы с Вер. Иван. до того, что решили покинуть всякие надежды на сотрудничество, сочувствие и помощь правящих и общества. [Простите за старческую болтливость! Не могу воздержаться, чтобы не иллюстрировать своего письма следующим анекдотом: наши “специалисты” стали настоящими авгурами, дурачащими людей наивных! Услыша о нашем начинании, является к нам один из “специалистов Министерства”, говорит разные воодушевляющие речи, проявляет участие вроде старания пробежать в 1 минуту 10 верст, не вставая со стула, гарантирует себе у нас место при shk. в 1500 р. годов. жалования на готовом содержании со всем семейством и т.д. Укрепившись в этом, начинает толковать о трудностях “организации”, о необходимости “строго выработанной программы хозяйства”, что он все это берет на себя (это не зная-то ни имения, ни почвы, ни местных условий труда и сбыта!), но, что он женат, (Л. 10 об.) 4. у него дети, он не имеет права работать даром, а потом требует за “предварительные работы” еще до открытия школы 2000 р. единовременно! Право, шутники!]. Вот на обзаведение школы да на таких просвещенных молодцов и ушли за эти 2 года все наши

средства с Вер. Ив. до последних крох, а дело, кроме нескольких сотен “запросов”, “отношений”, “прошений”, “справок”, “поправок”, “извещений” и т.д. и т.д. не подвинулось ни на вершок! Теперь они “вдруг вспомнили”, что по их же настоянию в программу входит 1 урок Зак. Бож. в неделю, а это предмет общеобразовательный, след. необходима санкция Министера. Умапомрачения, на что потребуется еще месяца 4. Но мы уже изнемогли и решили предоставить им “сноситься”, “справляться” и “переправляться” сколько их душам угодно, а вести основание школы без всякого их участия и субсидирования, как создали и вели школу городскую, вырабатывая каждый отдел собствен. трудом и опытом постепенно. А когда создали все это по-своему, (Л. 9 об.) 5. действительно честно и дельно, то лишь попросить их о разрешении открыть школу. Так. образом у меня, как у того чиновника, явились “жена-вдова и семеро детей”, имеющие на меня и на все достояние мое права неотъемлемые.

В письме своем Вы, со свойственным Вам великодушием, упоминаете о моей труженнической бедности. Это не совсем верно: 1) потребности у меня очень скромные (особенно в деревне) и удовлетворить их не хитро, т. к. у меня есть все необходимое; 2) есть у меня и люди, котор., в случае надобности, меня прокормят, и взять от них мне стыдно не будет. А вот моя “жена-вдова и семеро детей” [= школа, – именно вдова!] народ очень требовательный и жадный, выматывающий из меня все жилы! “Для ради” них я даже подвязываю щеку и выхожу на перекрестки нищенствовать. Вот вижу на Вашем бланке: “Серия книг: «Деревенское Хозяйство»”. Между прочим, я составляю (исподволь) для своей вдовы и библиотеку. (Л. 11) 6. Моментально подвязываюсь и начинаю гнусаво-трепетным голосом канючить:

– “Господин, пожертвуйте отставному ветерану!.. Нужда... дети сироты... жена-вдова. Заслуги не оценили”. – Нет, серьезно, будьте добры вышлите наложенным платежом в ПБ. Зимин переул. 4 на имя Веры Ивановны Гунст все, что у Вас есть из дешевых изданий по этому предмету. Относительно “Марьи-Кружевницы” скажу так: из этого письма все дела и цели мои Вы знаете, а потому решите сами, которая из язв опаснее: та ли, которую врачуете Вы, или та, которую силюсь подживить я, – той и помогите. Те средства, о котор. мы с Вами толкуем, разумеется, ни Вашего, ни моего

дела особенно не подвинут, и в сущности – не все ли равно, на которое из них они придут? А вот если будет у Вас под рукой работа переводная, компилятивная или популяризаторская – предоставьте ее мне. Все же что-нибудь заработаю для своей вдовы – 2–3 четверти семян Ивановской ржи, например, за которой гоняюсь (письменно) уже 2 года. Только работать с прежней быстротой (Л. 11 об.) и удалю (1 печат. лист в 5½ ч. работы) обещать уже не могу – плохо вижу, а главное хвораю сильно и мучительно, что совсем расколачивает нервы. Кстати: если изданы “Наши пищевые средства” Петерса, то вышлите мне, пожалуйста, один экземпляр. Для нужд нашей городской школы вожусь с немец. подлинником, а родной язык всегда удобнее. – Совестно мне беспокоить Вас просьбой о длинном письме, но мне очень хотелось бы знать, где и что В.Г. Чертков с женой и П.И. Бирюков. Со времени раскассирования петерб. “Посредника” мы как-то потеряли друг друга из вида, а я по-прежнему люблю и уважаю их.

С рождением Вашей девочки поздравляю не только Вас, а и всех хороших людей, Вас знающих и не знающих, ибо их число с ее рождением увеличилось.

(Л. 12) Ну, да хранят Вас и все и вся Вам присное Бог и все Его Святые, чего ото всего горячо желает

Ваша
Хмелева

P.S. – И письма, и все, что вздумаете переслать мне, благоволите адресовать

ПБ. Зимин 4
Вере Ивановне Гунст.

Это выйдет несколько медленнее, но гораздо вернее. Я живу возле весьма убогого полустанка с безалабернейшим почтовым отделением. Бывают случаи, что письма по несколько суток валяются у полустанка в кустах, т. к. почтов. поезд не останавливается, а корреспондент. (Л. 12 об.) вышвыривают, даже не обвернув ее бумагой, и ветер разносит пакеты, куда хочет. А т. к. происходит это в 11 ч. вечера, то и разыскивать их по горячим следам затруднительно. Не думайте, что описываю Вам “случай случайный”, единственный. Нет, так делается по установившемуся обычаю ежедневно.

Картиночка отечественной культурности!

13-е Мая 1903 г.

Панафидиной мною отвечено отказом.

О работе прошу усиленно».

(РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 1439. Л. 7–12 об.)

Вера Ивановна Гунст – давняя знакомая О.Н. Хмелевой по обучению девиц из низших сословий домоводству – поваренному искусству, хранению хлебных и мясных припасов, уходу за малолетними и престарелыми людьми и, само собою, рукоделию, также должное внимание уделялось домашней чистке и глажению тканей, счетоводству – всему тому, с чем сталкивается женщина в семье. В 1894 г., 15 марта, в Петербурге, в Зимине переулке была открыта практическая Школа поварского искусства и домоводства во главе с основательницей, Верой Ивановной Гунст. Это была первая в Российской империи школа такого рода, нацеленная на приобретение учащимися опыта, позволяющего в семьях избыть бессистемность и расточительство. Домашние приготовления и заготовки, вопросы гигиены, оказание первой помощи, уход за цветами – объяснялись на практических занятиях. В школе обучались хозяйки семей, заведующие хозяйствами крупных общественных учреждений – больниц, приютов, учебных заведений. Школа существовала на средства В.И. Гунст и пожертвования доброхотов. Здесь обучали женщин жить разумно, по достатку. За недолгое время такие же школы практического домоводства возникли в ряде городов России. Почин В.И. Гунст увлек Ольгу Хмелеву, доставил ей радость общения с трудолюбивыми людьми...

Возможно, если бы состоялась большая книга рассказов и очерков О.Н. Хмелевой в издательстве Панафидина, то там бы нашлось место и для замечательного ее очерка «Прогулка по Крыму», напечатанного всего один раз.

О Крыме, вошедшем в состав России еще в XVIII в., создано много ярких, запоминающихся очерков и рассказов, написанных русскими литераторами по личным впечатлениям. Особый вклад представляют собой записки исследователей своеобразной жизни края, раскрывающие черты быта обитателей и результаты их хозяйственной деятельности; поведано также ими об исторических

достопримечательностях и памятниках культуры. Если собрать воедино все эти записки, получим замечательный венок Крыму – приношение ему от русских писателей. Здесь будет много славных имен, в частности, к XIX в. относятся: Н.И. Надеждин, В.В. Пассек, Е.В. Сухово-Кобылина (псевд. Евгения Тур), воронежский романист Е.Л. Марков, псковитянка Ольга Хмелева и ряд других. В своем очерке «Прогулка по Крыму», где повествование ведется от мужского лица, сочинительница поделилась своими впечатлениями от увиденного и высказала ценные краеведческие соображения.

Среди житейских невзгод, преследовавших писательницу всю сознательную жизнь (скончалась, предположительно, в 1908 г.), ей чаще всего вспоминались светлые годы детства, проведенные под родительским кровом в имении Платично, погост Торопецкого уезда. Этому посвящены трогательные страницы повести «Анютка», опубликованной в журнале «Семейные вечера» в 1885 г. Приведем страничку этого произведения, чтобы прочувствовать сцены усадебного быта провинциальной псковской семьи. Имена и фамилии в художественном рассказе изменены, но имя Ольга – небесная покровительница Хмелевой – оставлено, как было. Да и домашние все узнаваемы в этом живом изложении. Эта усадебная картинка, взятая из второй главы повести «Анютка», как бы воссоздает годы детства талантливой псковитянки, труженицы отечественной словесности:

«Весело начался следующий день для села Высокого и его окрестностей. Народ поднялся, по своей неизменной привычке, вместе с солнцем; но, вместо серо-синей будничной одежды, деревенские улицы скоро запестрели красными сарафанами, желтыми платками и белыми рубахами баб и синими поддевками и кумачовыми косоворотками мужиков. По всем проселкам потянулись к погосту веселые вереницы прихожан. Каждый спешил и Богу помолиться, и на ярмарке что-нибудь купить, и на людей посмотреть, и себя показать. Ребятишки веселой шумной гурьбой гнались за родителями, успевая на ходу и подраться, и помириться, и забежать в сторону, в лес или на пожню захватить несколько ягод спелой земляники.

В роду богатых помещиков Барсовых имя св. Ольги пользовалось особенным почетом. Еще прапрадед теперешнего владельца

Высокого построил верстах в четырех от своего села, на красивой горе, мирно глядевшей в озеро, обширный храм во имя св. равноапостольной княгини Ольги, и в каждом поколении Барсовых одна из девочек непременно носила это же имя. Вследствие этого, день 11-го июля стал днем веселья и радости для всей округи.

Во времена крепостные, в день храмового праздника владельцы угощали у себя в селе всех своих крестьян, не жалея ни вина, ни пива, ни медов, ни жирных щей, ни жареного мяса, ни пирогов, и оказывая при этом и иные, более серьезные милости. С уничтожением крепостного права, когда помещики значительно пообеднели, обычай этот вывелся, но ярмарка при погосте сохранилась, а все окрестные жители продолжали считать день 11-го июля одним из самых веселых праздников в году. К нему готовились заранее: хозяйки откармливали овец или свиней, шили обновы, варили пиво; мужики копили деньги, чтобы купить кое-что да погулять на ярмарке, и даже ребяташки норовили собрать ягод, грибов, наловить раков или снетков, чтобы продать их и заготовить несколько медяков на медовые пряники, оловянные и медные колечки, серьги и крестики.

В самом селе, как у служащих и рабочих, так и у самих господ собиралось в этот день много гостей, и все оно еще дня за два оживлялось веселой праздничной суматохой. Повара немилосердно стучали ножами; поварята, как угорелые, носились то в ледник, то в погреб, то к ключнице, то к птичнице; лакеи и горничные в доме приготавливали спальни для гостей, прачки хлопотали с бельем; ключница и дворецкий сбивались с ног, за всем присматривая, выдавая, отмыкая и запирая; кучера на конюшнях приводили в порядок лошадей, сбруи, экипажи и седла, из которых многие бывали в употреблении только в этот день в году.

Ровно в половине десятого вышла из своей уборной одетая в легкое белое платье Ольга Николаевна Барсова. Муж и дети с гувернером и гувернанткой ожидали ее в просторной и прохладной гостиной, особенно роскошно украшенной ради этого дня самыми редкими цветами. Григория Александровича очень тешило, что жену его случайно звали тоже Ольгой, и он готов был праздновать этот день еще роскошнее, чем это дельвали его предки. Он с восхищением взглянул на ее все еще легкую и стройную фигуру и прекрасное лицо, горячо обнял ее, поздравил и отступил, давая

место детям. Те подходили сначала чинно, точно конфузясь, говорили иностранные стихи, раскланивались, а потом просто бросались горячо, искренне и даже шумно целовать и обнимать свою красавицу мать, не выключая даже и тринадцатилетнего Леонида. Француз, М-г Десаль, и гувернантка, Фрейлейн Бундель, пробовали было восстановить приличествующую случаю торжественность, но, по правде сказать, толку из этого всего было мало, потому что и сами родители были как-то особенно шумно веселы.

– Уж вы их сегодня извините! – вступилась за детей Ольга Николаевна, с ласковой просьбой обращаясь к воспитателям.

– Ну, Олюшка, пойдем скорее в столовую, – сказал жене Григорий Александрович, – там тебя ждут. Напьемся чаю, да и в церковь. Ты ведь знаешь, какой любезник наш отец Семен – без нас обедни не начнет, а людям ярмарку открыть хочется.

– Ах, и правда, Гриша! Я, как на беду, сегодня проспала. Пойдемте, дети.

В столовой действительно было уже несколько человек гостей. Они приехали или очень издалека, или из города, и ночевали в Высоком».

Проза Ольги Неоновны Хмелевой сразу привлекла к себе внимание даже взыскательных читателей. Живописная, темпераментная, сдобренная терпкой горчинкой, она еще и очень конкретна. Писательница пристально вглядывается в то, как трудятся ремесленники и мастерицы, вникает в приемы повышения мастерства, воспитания в себе воли к усовершенствованию. Хмелевой была сродни поэзия украсителей простого быта, благоприятного для здоровья. Меньше всего развлекаются ее герои, они трудятся и живут по совести. Эта черта в них привлекает и радует. Слова главного героя, которыми оканчивает Ольга Хмелева свою книгу «Робинзон в русском лесу», пожалуй, выражают и ее жизненное кредо: «Никто не должен стыдиться небольшого поля своей деятельности и запускать его. Пусть всякий, не жалея труда и усилий, старается сделать как можно больше добра, не разбирая, где оно делается!».

Честность и порядочность в отношениях между людьми – это принципиальная позиция Ольги Хмелевой: об этом говорят и ее книги, и ее письма. В лихие дни первой русской революции Ольга Неоновна издала брошюру о «Религиозном воспитании»

и, видимо, сознавая важность такого воспитания и недостаток доступной, понятной простому народу, популярной литературы по этому вопросу, разработала «программу некоторой, так сказать, сводки христианского мировоззрения в одно стройное целое, на основании которого думалось [ей] написать ряд статей, рассматривающих с этой точки зрения по возможности все положения и отношения человеческие на земле». Рукопись этой «программы» она передала для рассмотрения И.И. Горбунову-Посадову в январе 1906 г. Долго не получая ответа, О.Н. Хмелева написала ему два письма (от 09.06.1906 и без указания даты), чтобы выяснить окончательно, пожелает ли он стать «издателем довольно длинного ряда брошюр», которые она «имеет в виду написать по этой программе». В первом письме она прямо задает вопрос: «Не воспрепятствует ли Вам заняться этим то обстоятельство, что я не могу согласиться с некоторыми определениями Льва Никол. отношения Бога к человеку, вроде хранения от него каких-то тайн и т.д.?». Во втором письме О.Н. Хмелева откровенно высказывает свою точку зрения на понятия «любовь» и «собственность», невзирая на то что ее взгляды могут полностью разрушить надежду на издание брошюр «Посредником»:

«...Чтобы нечаянно не обмануть Вас, говорю заранее: я не разделяю мнения Льва Ник., что “собственность есть кража”. Если вера без дел мертва есть, то любовь – тем более! Любя необходимо дать. Для того, чтобы дать, нужно иметь. Для того, чтобы иметь, нужно заработать. Только одухотворенная идеей работа [даже подметание улиц] может вызвать полное и свободное проявление и применение духовных и физических сил, только это одухотворение может вызвать развитие талантов, гениев, героев, тружеников, мучеников. Только свободная решимость дать то, что заработал и имею, под влиянием идеи и побуждении любви есть даяние благородное, свободное и ни мер, ни весов для него не имеется – могу отдать и миллионы, и последнюю рубаху! “Милости хочу, а не жертвы!” – Вот почему собственность для меня не “кража”, а и могучий корень, и беспредельное поле для свободного труда и для свободной любви и милости. – Какова будет моя любовь, жалость и милость к лентяю, мозгляку или больному, которые в сущности все больные, если к дележу моего заработка с ними меня будут

приглашать железной линейкой по затылку [беспочвенность социализма!], или каково будет мое усердие к труду и к воспитанию детей, если это доставит и им, и мне, лишь наслаждение знакомства с той же линейкой да с вколоченным ею хамским лицемерием. Так я думаю, так буду и писать, так судите меня и мои замыслы и Вы, искренне уважаемый. А за отказ я не обижусь.

Ваша Хмелева».

(РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 1439. Л. 20–Л. 22 об.)

Отдельная полка книг Ольги Хмелевой – это ее многочисленные переводы западных классиков и произведений научно-популярных – к ним тяготела и сама Ольга Неоновна. Еще предстоит в будущем найти затерянное и неизвестное из собственных творений вдохновенной труженицы и то, что пересказала и перевела она для юношества. Тогда приоткроются и пока недоступные черты непростой жизни этого даровитого человека.